

18+

КАТОРИ КАМИ

ВИРО КАДОШ

ЧТО РАССКАЗАТЬ ВАМ
ОБ ИВАРЕ МАККОЕ?

Катори Ками

**Что рассказать вам
об Иваре Маккое?**

«Издательские решения»

Ками К.

Что рассказать вам об Иваре Маккое? / К. Ками — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850954-4

У каждого своя история об этом человеке: «Ребенок, который с детства был фактически обречен на безрадостную жизнь наемного рабочего на колониальной планете». «Он с детства знал, что когда-нибудь станет пилотом». «Никто не ожидал, что командиром поставят Маккоя. И никто не удивился». «...Потому что люди пойдут за ним, не за мной». Его зовут Ивар Маккой, ему двадцать пять, и он спас вас всех. Вы не найдете в книге его интервью — только попытки рассказать, как это было на самом деле. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-850954-4

© Ками К.

© Издательские решения

Что рассказать вам об Иваре Маккое?

Катори Ками
Виро Кадош

Редактор Asya .Rait

Младший редактор Екатерина Сухова

Литературный редактор Asya .Rait

Иллюстратор Надежда Конникова

Научный консультант Анастасия Смолина

Редактор-корректор Светлана Харитонова

© Катори Ками, 2018

© Виро Кадош, 2018

© Надежда Конникова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4485-0954-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

По личному приказу

Президента Объединенного Земного Альянса (ОЗА) рассказы очевидцев приводятся в полном объеме и без изменений.

И что рассказывать?.. А, вы вопросы будете задавать... Хорошо. Хм, знаете, странно, когда мы тот чертов цилиндр через толпу роботов проталкивали, не так волновался, а сейчас...

С чего начать?

Каким был Ивар в детстве?

Что ж. Тогда стоит, наверное, начать сначала. Недавно в Сети я видел упоминание, будто мы с Иваром выросли в одном приюте, но это неправда. Мы познакомились позже, когда его усыновила семья фермеров с Нового Техаса. Вы, конечно, уже слышали о ней, но наверняка просто не представляете, какое это захолустье. В общем, это такая планета, затерянная на окраинах освоенного космоса. Сорок девятого, кажется, класса. Назвали ее так из-за того, что вся планета – сплошная пустыня. Я позже специально слетал посмотреть на настоящий Техас – пожалуй, похоже.

Так вот, меня усыновили годом раньше Ивара. Вообще, у этой семейки хобби такое было – усыновлять. А может, жизненная необходимость. Потому что наемные работники – ну, вы ж понимаете, это дорого, а за детей, наоборот, еще и платят вдобавок.

Мне к тому времени было уже шестнадцать, а Ивару... наверное, лет четырнадцать. Хотя, может, уже и пятнадцать, или всего тринадцать, – он понятия не имел, когда родился. Но на самом деле это было здорово, потому что мы отмечали его день рождения, каждый год сдвигая на один месяц и один день. Забавная затея, правда? И грустная, на самом деле. Нет, можете не считать. Любому понятно, что вероятность угадать тут... ну очень низкая, если не нулевая. Но вы попробуйте объяснить это мальчишке-сироте, который когда-то, еще ребенком совсем, придумал себе такую сказку. Чтобы не унывать. Чтобы иметь хоть что-то свое.

В этом году, например, его день рождения будет двадцать седьмого марта, не забудьте поздравить. Не знаю, статью там напишите или сюжет новостной снимите. А в следующем уже двадцать восьмого апреля.

Знаете, что в нем сразу подкупает? Ну да, знаю, о чем вы подумали. Вон она, его взятка, со всех газет красуется. Но на самом деле я сейчас не о его улыбке. Он ведь будет вам улыбаться, даже если вы вдруг решите отрезать ему ногу. Или руку. Не смотрите на меня так, я знаю, что говорю. Улыбкам Ивара Маккоя верить нельзя. Хотя не поверить невозможно.

Так вот, о подкупе. Как ни смешно, подкупает как раз полное его отсутствие. Этот человек скажет вам только то, во что искренне верит сам. Да-да, даже если вы вдруг захотите отрезать ему ногу. Простите, профессия накладывает свой отпечаток, так что примеры будут не всегда удачными.

Так вот. Жилось на ферме нам, в общем-то, неплохо. Вот только о ней мало чего можно рассказать. Как и на любой другой ферме, там воняло, даже несмотря на всевозможные очистительные фильтры. Про устройство я, конечно, расскажу, но не ждите многого: мне было не так уж интересно, как это все работает. Куда важнее было выполнить все задания в срок и не получить взбучку.

Так в... Черт, повторяюсь... Но вы же править будете? Нет? А почему? А... ну да, приказ. Ну ладно. В общем, вода на Новом Техасе слишком дорогая, чтобы просто лить ее в землю. Более того, и земли-то на этой чертовой планетке нет нифига. Сплошной песок. Так что вместо полей были только длинные тоннели из арочных генераторов силовых полей. А под ними слой тонкой водоотталкивающей пленки – чтобы вода испарялась, конденсировалась и скатывалась в распределители. Почти замкнутая система: залил один раз воду в контейнеры с гидрогелем – и дальше уже совсем по чуть-чуть иногда добавляешь.

Да и в принципе вся ферма была такой системой – растения давали пищу нам и животным, а все, что в пищу не годилось, отправляли вместе со всеми отходами и дерьмом в говнобродилку... Ну, то есть эту... Установку биоразложения. Или биопереработки – черт ее знает, как она правильно называется. На выходе получались удобрение и все та же вода. Прибавьте к этому бесплатную рабочую силу, очень приличную прибыль от продажи овощей и мяса – совсем неплохой бизнес, я думаю.

Вот только бизнес этот нехило смердел. Воняло всё и везде. У компостного куба – гнильем и серой, возле фильтрационной колонны – озоном и плесенью, из скотных ангаров – навозом.

Скотины, кстати, было много. На Новом Техасе все, до последнего винта и куска полимера, было привозным и стоило дорого. Да еще приходилось переделывать движки, чтобы работали в местной атмосфере. Позволить себе машину, спидер или левитационную платформу могли единицы.

У нас лошади были, вернее, гибриды. Официально они назывались «организм земной, генномодифицированный, адаптированный к условиям жизни на планетах классов 45—49П». «П» – наверняка от слова «песок», «пустыня» или что-то в этом духе. В смысле, специально для такой местности. Как верблюды на Земле. Им, конечно, пытались придумать название, типа «лоблюд» или «вершадь»... Не пошло. Тем более что внешне это были все же больше лошади – как тех на картинках рисовали. Только без грив. И хвосты лысые. К тому же, наших еще дополнительно адаптировали, чтобы дышали сами, без лекарств. Кислород ведь чем-то связан там, помогать надо.

Ну вот, лошади эти таскали повозки, ходили под седлами. Они не угнались бы и за самой дряхлой колымагой, но были выгоднее любого авиакара. Никаких затрат на запчасти и фильтры-расщепители кислорода. Пара ведер воды в месяц, а если кормить свежей ботвой – и одного хватит. Старых продавали на бойню, каждую весну кобылы приносили потомство.

Ещё были буйкоты на мясо и молоко. Огромные такие горбатые коровы. Буйкоты тоже почти не пьют, а что мясо воняет бензином – ну, к этому уже привыкли все. На Новом Техасе практически все воняет бензином.

Буйволы? Даже не слышал слова такого. Буйкоты. Так мы их называли. Да нет, на этих не очень похожи. У вас на картинке задохлики какие-то, а не буйкоты. В этом сколько? Килограмм шестьсот? В молодом буйкоте около двух тонн, а то и больше бывало. И шкура у них толстенная, без волос почти. О, вот это больше похоже. Только на носу таких штук не было. Кто это? Носорог? Забавно. Надо поискать как-нибудь в зоопарке.

Вообще, я так скажу: нужно прожить на этой планете лет десять, чтобы понять, насколько это отвратное место. Постоянная жара. Бензиновая вонь. Ветра, смерчи. Мелкий песок, забивающийся везде. Имплант, изменяющий кровь, чтобы усваивался связанный кислород. Ну, может, не изменяющий. Хрен его знает, что он там делал, чтобы мы дышать могли, но лично меня всегда мучило пару месяцев, когда его меняли, и кое-кого из братьев, я знаю, тоже. Нас, кстати было...

Нет, импланты нам всем за счет Альянса ставили и меняли тоже. Раз в пять лет. А как иначе-то? Если бы еще и платить пришлось, там просто никто не жил бы.

Так о чём я? Нас было семеро, крепких приютских парней. Приемные родители даже специально отбирали нас, руководствуясь вполне здоровой логикой. Например, отпетых хулиганов и полностью асоциальных типов среди нас не было. Только Джереми, с которого все началось, еще как-то пытался гнуть понты, но мы его прощали. Он же был первым – ну, вы понимаете.

В общем, в тот день сломался транспортер в контуре ферментации, и это было совсем хреново. Чтобы вы понимали, биоразлагатель – это ангар с десятком чанов. В каждом что-то бродит, гниет при нужной температуре, давлении и так далее. Из чана в чан содержимое перегоняется по желобу. Самая главная часть установки – конвейерные ленты с лопастями транспортера и огромный движок, старше, наверное, самого завода Дефо. Без постоянного перемешивания часть отходов так и не перегниет, а другая превратится в перегретую взрывоопасную жижу. И если транспортер накрывался, приходилось вычерпывать чан за чаном и осматривать каждую деталь. Хорошо, если поломка находилась во втором или третьем, а если нет...

Не подумайте лишнего, Босс Билл, наш приемный папаша, не распускал руки, но работа должна была быть сделана. Пусть даже всю эту наполовину сгнившую жижу пришлось бы руками вычерпать.

Понятно, что появлению новенького я не слишком обрадовался – настроение было ни к черту. Тем более что пацан на вид был щупленький и на помощь толком не способный. Ивар, наверное, это понимал – он вообще чертовски проницательный малый. Он посмотрел на меня, потом на лопату в моих руках и невозмутимо так осведомился:

– Еще одна есть?

Собственно, с той минуты мои отношения с Иваром Маккоем можно так и охарактеризовать: в одном чану. Это касается всего: работы, дружбы и того, что нам пришлось вместе пережить. Что? Ну да, простите. Не будем забегать вперед.

Транспортер починили через неделю. К тому времени и у меня, и у Ивара уже успели раза три вздуться и лопнуть кровавые пузыри на ладонях. Но ему, конечно, приходилось хуже. В приюте их не нагружали настолько тяжелой работой. Так вот, к тому времени, как отпала нужда снова нырять по пояс в гнилье, я уже знал, что в нашей размеренной, если не сказать – унылой, жизни кое-что изменилось. Что именно? Даже не знаю, как объяснить... Ладно, сейчас попробую.

Ивара тех лет можно было охарактеризовать одной фразой:

«Я стану пилотом».

Черт побери, сколько раз я это слышал? Да все слышали! Уверен, когда Ивар был младше, он просто подходил к людям на улице, протягивал им руку и говорил: «Привет, я Ивар Маккой. Я стану пилотом». Нет, вы не подумайте, он никогда не надоедал никому рассказами о космолетах или чем-то там еще, как все увлеченные люди. Просто знал, чего хочет, и это было... удивительно.

Вот ты стоишь посреди чана весь в дерьме с лопатой в руке, не разгибая спины шестой час подряд, а он вдруг говорит:

– Я стану пилотом.

И гребет дальше. А ты тоже гребешь и думаешь: зачем он это сейчас сказал? Какого ждет ответа? И зачем тебе вообще об этом знать?

Но Ивар и не ждал ответа. Никогда не ждал, собственно, но это я уже потом понял. Я даже не уверен, говорил ли он это кому-то или все-таки самому себе. Но, как бы то ни было, все, кто знал Ивара, знали, что он станет пилотом.

Нет, вы не поняли. Не «хочет стать». Станет. Почему-то нам и в голову не приходило сомневаться – по крайней мере, мне.

Знаете, как бывает, если в темной комнате, полной бодрствующих людей, кто-то неожиданно включит яркую лампочку? Сначала все морщатся, возмущаются, даже грозятся побить нарушителя спокойствия, а потом привыкают и радуются, что наконец-то стало светло и можно заняться своими делами. Так же было и с нами. Ивар внес сумятицу в нашу жизнь, ведь до сих пор все, что занимало наши мысли, были урожай овощей да сытость скота, а тут он с этим своим пилотом. Понимаете? Он делал всё то же самое, что и мы: гонял свиней, собирал овощи, вывозил дерьмо. Изо дня в день, год за годом. С одной лишь разницей: он знал, что когда-нибудь станет пилотом.

Будь вместо него кто-то другой, мы, наверное, его возненавидели бы. На самом деле, это чертовски унижительно, когда кто-то знает, чего хочет, а ты нет. Вот ты сгребашь лопатой свиное дерьмо в огромную смердящую кучу и думаешь, что делаешь это действительно хорошо. И ты говоришь себе: «Эй, парень! Да ты молодец!» И тут появляется другой парень, который знает, чего хочет, и говорит совершенно искренне: «Здорово, Криг! Ты так быстро управился!», – и улыбается своей невозможной улыбкой. И вот тогда ты вдруг задумываешься: неужели эта куча будет самой выдающейся вещью, которую тебе суждено сделать? Неужели

пройдет несколько лет, десятки лет, а ты все так же будешь радоваться своей чудесной навозной куче?..

На Рождество Джереми купил себе нотную грамоту. Он был уже совершеннолетним, и поэтому имел собственные деньги. Немного, но на грамоту вполне хватило. И даже на губную гармошку потом. Не самый удобный инструмент, но это было единственное, что он смог достать в нашей глуши. Конечно, само по себе событие не выдающееся – подумаешь, какой-то парень скопил денег на губную гармошку. Но ведь важно было другое. Он *захотел* ее купить.

Вообще-то, Джереми не самый разговорчивый парень, так что я ни черта не знаю, какие у него были планы. Хотел ли он выучиться играть или сочинять музыку, а может, и вовсе петь. Но ведь не просто так он ее купил?..

Это был первый звоночек. Вторым стал Льюис. В одно прекрасное утро он заявил Боссу, что должен ехать в город на важную встречу. Мы все опешили. Ну, сами посудите, какие могут быть «важные встречи» у парней вроде нас? Но смеялись мы зря. Оказалось, что Льюис втихаря провернул целую кампанию по расширению рынка сбыта нашей продукции. Проще говоря, обегал все рестораны, магазины и крупные богатые дома в городе, предлагая наладить поставку овощей, молока и мяса непосредственно с нашей фермы, и – вы не поверите – ему это удалось!

Потом был Томми с его родео и Эдди, который занялся производством седел.

Конечно, нельзя сказать, что Ивар был напрямую причастен к успехам этих парней. Но все-таки я уверен: именно он зажег в них ту искру, что горит до сих пор.

Что же касается меня, то я с Иваром действительно подружился. На самом деле, это не так просто, как может показаться. Стать другом угрюмому молчуну-одиночке намного проще, чем такому вроде бы дружелюбному, общительному и открытому человеку, как Ивар. Он всегда готов дарить миру свои улыбки, шутки и энергию, вот только ровно в той мере, которую определяет сам. Сколько недель ежедневного общения, смеха, работы и проказ прошло, прежде чем я услышал чуть больше, чем стандартная фраза про пилота? Через сколько месяцев он осторожно поделился со мной своими сомнениями? Про страхи же, обиды, боль я стал слышать только несколько лет спустя. И к тому времени, когда это случилось, я уже не представлял жизни без неба.

Да, наверное, это смешно, но Ивар заразил меня своей страстью, своей уверенностью, своими самыми сокровенными мечтами, и очень скоро мы уже мечтали на пару.

Космодром... Пару лет я засыпал, представляя, как иду по гладкой поверхности специального сверхпрочного покрытия – твердого и надежного, не то что наши пески. Рисовал в воображении корабли, расставлял их на посадочном поле: самые красивые вперед, но и чтобы остальные не обидеть. И каждый месяц исправно появлялся новый любимчик, которого, конечно же, надо было приткнуть в самую середину.

Мы не верили в Санта Клауса уже с пеленок, но если бы верили, то каждый год к нему летело бы письмо с просьбой прислать билет если не на космолет, то хотя бы в космопорт со скромной подписью «Криг и Ивар». Ударение на «и», кстати. И-ивар. А то мало ли, как его прочтут, – может, как командир Дирк. ИвАр. Но он и на Всеобщем Межгалактическом в принципе плохо говорил, так что неудивительно.

Интересно, кто дал ему имя? Родители или нянечки в приюте? Вы же журналист, покопайте в каких-нибудь архивах. Хотя, наверное, это уже сделали спецслужбы. Они бы ведь ему сказали, если бы что-то нашли?.. Интересно, откуда он родом. Имя-то необычное. По крайней мере, я никогда такое не слышал.

А может, и нашли уже, да не стали озвучивать. Вдруг они наркоманы, как мои предки, или срок мотают. Меня забрали в приют в семь лет, многое соображал уже. И я вам так скажу: лучше всю жизнь гадать, кем были родители и почему тебя бросили, чем помнить застывшие под кайфом глаза и драки за очередной ингалятор с дурью. В свинарник было приятнее войти, чем в нашу квартиру. А уж про новую, или хотя бы по размеру, одежду, еду три раза в день и школу я вообще молчу.

Хотя, наверное, будь у меня хорошие родители, как у Лероя, было бы еще гаже. Они у него при крушении шаттла погибли, а родственников больше не сыскалось. Так что Лерою, единственному из нас, кто знал, что такое семья, было чертовски погано, и характер у него был соответствующий. Вот только кто бы стал его винить?..

Ивар о своей семье не только не помнил, но и не знал ничегошеньки. И, кажется, не хотел знать. Не в его характере это – рассуждать, что было бы, если... Есть настоящее и будущее. А прошлое, особенно хреновое, уже прошло, да и бог с ним. Да и не было в нашем прошлом на тот момент ничего, за что стоило цепляться, а потом это уже вошло в привычку. Так что все наши разговоры были всегда о будущем. Поначалу детские, неопределенные, но повзрослели мы быстро на простых фермерских харчах и ежедневной работе. И у нас постепенно начал вырисовываться план действий.

И первым его пунктом было – уйти с фермы, а значит, нужны были деньги.

И это был тупик. Денег нам не давали. Приемные родители считали, что за наш труд с лихвой расплачиваются парой штанов в год, кроватью да едой. Кормили, правда, досыта, пусть и без затей. Но хотя бы от голода мы не качались, только от усталости.

Нет, затворниками на ферме мы не были. Каждые выходные ездили в город на рынок, продавали овощи, мясо, молоко и сыр. Цены были фиксированные, и по возвращении я переводил на счет Билла все до литра. Почти полгода мы с Иваром ломали голову, что же придумать, пока одна старушка не попросила нас помочь донести ее покупки. Ивар вызвался просто из уважения, а пожилая леди накинула ему полстакана. С тех пор и пошло. Один из нас стоял за прилавком, а второй помогал дотащить тяжелые сумки до остановки авиакара, а иногда и до дома. Пару раз Ивару несказанно повезло, и его попросили сделать что-то по дому. И расщедрились на целый литр. Невиданное для нас богатство.

Меня просили реже – я был выше, плечистее и куда угрюмее, так что, думаю, меня просто боялись. Довольно быстро наши дела пошли в гору, хотя бы в финансовом плане. Ну, то есть как в гору... Скорее, в холмик. Ровно до тех пор, пока Ивара не заприметила одна вдова. Пару раз он честно носил ей покупки, вежливо и охотно отвечая на вопросы, а потом... Ну, тут, думаю, история понятна же, да? Ивар всегда нравился женщинам, но это был, пожалуй, первый раз, когда он понравился не как мальчишка, но как мужчина. Вот только когда тебе шестнадцать, и ты еще ни разу даже не целовался, угодить в объекты сексуальной охоты пусть не старой, но все-таки уже весьма зрелой женщины... Тут, конечно, кому как, но Ивара тогда

это не обрадовало. Так что ему пришлось на довольно долгое время затаиться, и мы снова откатились назад.

А еще через месяц Ивар сказал:

– Джереми отдал мне губную гармошку.

К тому моменту Джереми уже уехал с фермы. Кажется, он неплохо зарабатывал на жизнь, играя в пабах. Поначалу новость меня заинтересовала только в том ключе, что Ивар где-то встретил Джереми, но оказалось, что она важна совсем по другой причине.

– Я научусь играть и буду давать концерты на рынке, – продолжил Ивар свою мысль.

Я отнесся к этому заявлению скептически.

– Но ты же никогда не держал ее в руках, – сказал я ему.

– Я и на лошадь сел когда-то в первый раз, – пожал плечами Ивар и извлек из гармошки несколько резких трелей.

За следующие месяцы я успел возненавидеть губную гармошку и полюбить тишину как самое великое благо, а наши большие неповоротливые лошади стали нервными и шуганными, вздрагивая от любого звука.

Но в один из особенно тяжелых дней, когда снова сломался транспортер и мы полдня провели по плечи в невероятно вонючей жиже, уставший до полусмерти, чумазый Ивар приложил гармошку к губам, и вместо череды фальшивых нот выдал незатейливую, но чистую мелодию.

От удивления я даже забыл, что до этого мечтал поскорее оказаться в стерилизаторе и что у меня чешется все тело от пота и грязи. Ивар, пораженный не меньше меня, с опаской посмотрел на гармошку, будто та вдруг зажила собственной жизнью, и снова принялся играть.

Уже на завтра я скрипел зубами, в сотый, если не в тысячный раз слушая одну и ту же песенку, но через неделю Ивар разучил еще одну. А потом еще и еще. А уже через полгода он идеально повторял любую услышанную мелодию.

Конечно, самую обычную, простую. Какую-нибудь великую классику он, конечно, не сыграет, а вот что-то навряд «Пастушки Мэри» – запросто.

У нас все получилось. Когда в арсенале набралось пять песенок, Ивар дал первый «концерт» и заработал сразу три литра. Три! Черт побери, о таком оглушительном успехе мы и мечтать не могли! Вовсе не потому, что он играл так уж здорово – и сбивался, и фальшивил. Даже не знаю, отчего народ веселился больше: от возможности потанцевать или от его оплошностей. Но, как бы то ни было, разошлись все довольные, не забыв поблагодарить начинающего музыканта. Наверное, нужно было найти ту вдову и сказать ей спасибо, потому что задолго до того, как наши лошади снова стали спокойными и безмятежными, у нас уже был неплохой капитал.

Какое-то время нам удавалось скрывать от приемных родителей наш бизнес, но потом им донесли. Или кто-то из парней проболтался. Разговор был не очень приятный, но тут нас здорово выручила любовь Ивара к сладкому. Он готов был котлету на лишнюю ложку варенья поменять, чай всегда с синтетическим подсластителем пил... А если бы Билл расщедрился на настоящий, наверное, три чашки бы за раз осилил. И, как бы ни были ценны для нас деньги, а пару раз в месяц мы ходили в супермаркет. Я покупал себе банку синтетической содовой, а Ивар – сникерс из биомассы. Он устраивал целые спектакли в кондитерском отделе. Разглядывал все до единой конфеты. Осторожно касался кончиками пальцев упаковок пряников и печенья. Читал составы шоколадок, придирчиво осматривал пирожные и леденцы. А покупал неизменно самый маленький батончик с нугой и арахисом.

И вот теперь Ивар с непрошибаемым, даже скучающим выражением лица, поднес чип к сканеру и показал рассерженному Боссу Биллу длинную историю транзакций из магазина. Кажется, их количество и перевесило чашу весов в нашу сторону. Билл раздраженно бросил, что зря мы думаем, будто он хоть стакан потратит на дантиста для нас, и принялся переключать каналы инфовизора. Это означало конец разговора.

Я еще, помнится, дико боялся, что он догадается проверить даты списаний денег и наш обман раскроется. Но на это, к счастью, его смекалки не хватило. Так наш бизнес стал легальным, и мы с Иваром на радостях купили по батончику и запили их банкой Колы – одной на двоих: покупать на каждого показалось расточительством.

Через пару недель нас на ярмарке уже ждали. Народ собирался довольный, веселый и устраивал что-то типа сельских танцев. Ивару это нравилось: он умудрялся пару-тройку часов подряд играть и плясать вместе со всеми. Но еще больше это понравилось местной шпане, которая решила, что несколько литров, перечисленных на чип Ивара, – их законный трофей.

Мне, конечно, драться и раньше приходилось, но тут собралась целая шайка. И пришлось бы мне туго, если бы не наш тяжеловоз. Ивар добежал до телеги, расстегнул упряжь и затащил гиганта в самую гущу потасовки. Так-то по натуре животные эти мирные, но среди урагана острых локтей да коленок лягаются будь здоров – только направляй. Городское пацанье с животинами знакомо мало, а потому быстро отступило, весьма разумно опасаясь. Особенно резво убегали те, кто уже успел обзавестись полукруглым отпечатком огромного копыта. А потом Ивар догадался наиграть коню на ухо пару ужасающе фальшивых нот, отчего тот и вовсе взвился на дыбы, так что вдвоем еле удержали.

– Он боевой модификации! Охранной! – крикнул тогда Ивар шпане. – Проваливайте, или натравлю!

Смешно – и сейчас, и тогда было, – но нам поверили. Только пятки сверкали. И больше местные пацаны нас не трогали, а рыбы покрупнее, которые на рынке, конечно же, водились, видимо, посчитали наш бизнес слишком мелким.

Знаете, вспоминаю сейчас, и даже не верится, что это с нами было... Ивара вы и не узнали бы тогда. Он выглядел совсем ребенком. Не знаю, как на деле, но по документам я Ивара старше на полтора года. Тогда меня этот факт бесил невероятно, ведь я стал совершеннолетним намного раньше него. Конечно, у меня и мысли не было уйти одному, но как же раздражала сама возможность это сделать!

Ивар, конечно же, все понимал. Но никогда не говорил. Приемные родители восприняли то, что я остался, с равнодушной расчетливостью. Восемнадцатилетний фактически мужчина будет работать куда эффективнее подростка. К тому же, его не надо учить управляться с контроллерами или показывать, как правильно сажать и окучивать.

Да, мы грезили совершеннолетием, мечтали уйти с фермы. Но вот Айзеку, парню с соседней фермы, было уже двадцать три, а он и не собирался сниматься с места. Правда, Айзек – это отдельная история. Единственное, что его интересовало в жизни, – это глупое шоу в семь вечера по центральному инфоканалу Альянса и банка пива. Он платил за комнату и еду, сам покупал себе все необходимое, но получал зарплату. И выглядел вполне довольным жизнью, стоя по колено в свином навозе или таская ящики с капустой.

Впрочем, глядя на Ивара, тоже можно было подумать, что и его все устраивает. Но я к тому времени знал его уже слишком хорошо и научился почти невозможному – различать его улыбки. И могу совершенно точно сказать, что стоя по колено в свином дерьме вместе с Айзеком, он улыбался, но улыбался грустно.

Я...

О. Забавно, что вы спросили. Этот снимок я помню. Как он на нем улыбается? А сами не видите? Устало, конечно. Достала его эта шумиха. После всего того, что мы пережили, нам больше всего отдохнуть хотелось, по Земле прогуляться. На воду посмотреть – на это, как его, море, – по столице пройтись, выпить настоящего алкоголя, в конце концов. А ваша братия в него стаей бульдогов вцепилась. Да и вообще...

Ну да, говорил. Вы меня сами перебили. Так вот, я сделал такой календарь, как когда-то индейцы делали, с зарубками. Я на каком-то общедоступном сайте видел. Можно было, конечно, и обычным разжиться за четверть стакана, но так колоритнее казалось. Мы же все-таки в Техасе жили. Пусть даже и за две галактики от настоящего. Ивар смеялся, но я видел, что ему, как и мне, важен этот ритуал, когда мы каждый день ровно в полдень устраивали привал, чтобы выпить по кружке воды и вырезать на палочке очередную зарубку.

Чем меньше места оставалось на палке, тем труднее было опять и опять месить навоз, таскать ведра и махать лопатами. Но с другой стороны, я цеплялся за каждый день, проведенный на ферме. Потому что тут я точно знал, что ждет меня завтра. И через неделю. И через полгода. А что будет там, в городе?

Ивар, кажется, не сомневался ни секунды. «Я буду пилотом» все еще звучало так же уверенно и убежденно. Но в облаках он не летал... Что? Это еще что за слово? Ну ладно, пусть будет «не витал»... В чем разница-то?..

В общем, он пытался учиться. К Сети наша ферма была подключена лишь формально... Да вот так! Боссу Биллу это было ни к чему, и он категорически отказывался оплачивать даже первую ступень доступа. Так что нам была доступна только бесплатная часть, а там... Сами понимаете. Кусочек того, кусочек этого. Очень редко, когда какую книгу можно было скачать целиком, а уж учебники – и вовсе. Но Ивар как-то ухитрился. Скачивал все подряд, а потом весь день слушал в аудио-режиме. Собственно, так он делал не только этот год, но вообще

всегда. Просто раньше это были всякие разные книжки, а теперь одни учебники. Я тоже так пытался, но меня эти бормотания только от работы отвлекали, а Ивару нравилось.

А потом однажды после концерта принес мне какой-то мемо-кристалл.

– Вот, – сказал уныло. – Посмотри. Джараб для нас достал.

Я с недоумением взял его и подключил к своему планшету. Наугад ткнул в ссылку в оглавлении. Открывшийся документ был сплошь из каких-то формул, чертежей и кучи непонятных слов.

– И что это? – спросил я, закрывая страницу.

– Учебник по физике за девятый класс, – ответил Ивар и вздохнул. – Пиратская копия из второго уровня доступа.

Тогда я впервые понял то, что он, наверное, осознавал уже давно. О летном училище можно было забыть.

Не подумайте плохого, опекуны давали нам образование. Базовое, необходимое для получения аттестата зрелости. Язык, история ОЗА, математика, естествознание. Достаточно, чтобы посчитать, сколько нужно взять с покупателя за дюжину яиц, пару литров молока, кило картошки и столько же мяса. Чтобы без ошибок написать ценники и понимать, что написано в инструкции.

Но для чего-то большего нашего образования катастрофически не хватало.

Помню, я стоял, как дурак, и смотрел на Ивара, все надеясь, что тот сейчас по обыкновению безмятежно улыбнется и успокоит, мол, не волнуйся, Криг, я все придумал. Но он лишь молча отвернулся.

Знаете, что я думаю? Будь у нас побольше времени, Ивар бы сдюжил. Накупил учебников, сидел бы над ними днями и ночами, выучился бы сам и вытянул меня. Но его хватало на жалкие полчаса перед сном, а потом усталость брала свое, и сделать с этим хоть что-нибудь было невозможно. Ну, если только за счет здоровья, а этого уже не мог позволить я. Seriously, по шее едва не дал, мы даже чуть не поссорились. В первый и почти единственный раз в жизни. Почему «почти»? А это позже. Намного позже...

До дня рождения Ивара оставалось чуть больше месяца. Более унылого времени я и не вспомню. Каждый день тянулся, как год, и был похож на предыдущий: подъем, работа в поле, ящики... Только тем и отличались, что сегодня таскали картошку, а завтра – капусту. Вечерами я просто валялся на кровати, глядя в потолок. Ивар же, наоборот, словно чего-то не успевал: читал в планшете, считал на пальцах, беззвучно шевелил губами. Он собирался найти работу в городе и учиться по вечерам. Мне тогда этот план казался невыполнимым. Дело в том, что я почитал тот учебник... Никогда не чувствовал себя таким непроходимым идиотом и деревенским увальнем. Это уже потом я понял, что нет на свете ничего невозможного.

Но зато в тот раз именно я был человеком, который придумал для нас новый план. Он-то, в конце концов, и привел к тому, что вы сидите сейчас и записываете каждое мое слово.

Это случилось на ярмарке. Ивар играл свой предпоследний, как мы думали, концерт, а я уныло разглядывал толпу вокруг него. Человек, стоявший чуть поодаль, поначалу мало чем привлек мое внимание. Ну разве что формой своей: уж больно неуклюже она сидела на его долговязой фигуре. Не буду врать, в мозгах щелкнуло далеко не сразу. Я разглядывал этого человека довольно долго, гадая, кто он: полицейский, военный или просто работник какой-нибудь службы. И только через несколько минут я вдруг подумал, что он мог бы быть военным летчиком. Ведь есть же воздушно-космический флот на каждой планете.

Вам смешно? Да, пожалуй. Вы с Земли? Конечно, вам не понять. Вы всегда были в гуще информационного потока. Так вот, там, в той жизни, на затерянной в космосе пустыне, нам не было никакого дела до армии. Служить не было ни почетно, ни интересно. Куда важнее было выращивать натуральную еду да работать на престижной работе. Например, на водоконденсирующем заводе Дефо. И нет ничего удивительного, что эта мысль не пришла Ивару в голову – более мирного человека не сыскать во всем Альянсе... Было не сыскать. Тогда.

Чем дольше я об этом думал, тем удачнее казалась идея. Казенный стол, крыша над головой, обучение. И долгожданная, вполне реальная возможность сесть за штурвал. Пусть не пассажирского корабля и не грузового шаттла, но все-таки.

Распираемый эмоциями, я еле дождался вечера, чтобы рассказать обо всем Ивару. И, конечно, совсем не ждал, что он помолчит, грустно улыбнется и покачает головой:

– Нет.

В первый момент я даже не понял его. Как это – «Нет»? Почему? И только вечером, когда опекун смотрел по инфовизору какую-то передачу про армию, мне все стало ясно. Ивар был не в восторге от мысли, что придется сменить одну кабалу на другую. И если с фермы хоть иногда можно вырваться в город, то, заключив контракт, ты на несколько лет вообще теряешь право на собственные желания.

И все-таки плюсы в этом тоже были, и Ивару я их озвучил.

– Знаешь, туда пойти никогда не поздно, – сказал он тогда. – Давай сначала попробуем мой план.

Я кивнул, но на душе у меня стало полегче.

Дни тянулись будто резиновые. Плюс еще наступила горячая пора уборки урожая и посадки новых растений. наших сил хватало только на то, чтобы доползти до стерилизатора, а потом рухнуть в кровать, даже не ужиная. Мы не ездили в город несколько недель, почти не разговаривали, а бывало, что и не виделись по два-три дня, если работали в разных частях фермы. Так что, когда в один прекрасный день Ивар бросил мне на кровать небольшую пластиковую карточку, у меня дыхание перехватило от неожиданности.

– Уже? – спросил я, беря карточку в руки. На крошечной фотографии Ивар казался совсем ребенком и выглядел более худым, чем на деле, но глаза сияли от радости. – Когда успел в город смотаться?

– С Аароном ездили на водозавод, – Ивар сверкнул улыбкой. – Обналичили чипы. И вот, – он показал мне две маленьких бутылки. – Угадай, что это?

– Да ладно? – выдохнул я. – Я уж думал, их купили давно.

На эти бутылки с виски мы смотрели почти полгода. Невзрачные, мутного стекла, кривоватые. Этикетки наклеены наискось, на крышках въевшийся слой пыли. И содержимое, наверное, тоже далеко от стандартов. Но эти бутылки были верхом наших мечтаний. Я пообещал Ивару, что мы раскошелимся, купим их да еще самый большой сникерс в придачу, и славно отметим его день рождения. А потом как-то закрутилось все, и в тот магазин на отшибе мы больше не ходили.

– Пойдем, – Ивар вручил мне одну бутылку и кивнул на дверь. – Найдем местечко посимпатичнее.

Сказать по правде, в нашей пустыне ничего симпатичного не было, поэтому мы устроились на чердаке над конюшней. Повозившись с пробкой, Ивар открыл свою бутылку и осторожно понюхал.

– Редкостная гадость... – поморщился он и рассмеялся. – Ну, моё здоровье! – и отпил приличный глоток.

Его глаза тут же налились слезами, нос, щеки и уши покраснели, на шее вздулись вены. Ивар прижал к губам тыльную сторону ладони и передал мне бутылку.

Пойло оказалось омерзительным. Резкий запах ударил в нос, на языке разлилась спиртовая горечь, обожгла горло и провалилась в желудок. Я откинулся на мешки с зерном и отдал Ивару бутылку, ощущая, как по телу растекается тепло.

Нам нечасто приходилось пробовать спиртное, так что одной бутылки нам хватило на двоих. И мне пришло в голову сохранить вторую на какой-нибудь Особый День. Если такой выдастся, конечно. Ивару идея понравилась, и бутылка немедленно была наречена «Бутылкой на Тот Самый Случай».

Запасливый Ивар убрал её за пазуху, выудил оттуда же большое яблоко, и мы валялись на зерне, по очереди откусывая от румяного бока. Болтали о всякой ерунде и старательно не думали о том, что завтра все будет по-другому.

Знаете, сейчас, вспоминая тот день, мне кажется, что он был самым счастливым на ферме, но на самом деле это было не так. Было страшно, и ночью мы оба не смогли толком заснуть, то и дело перешептываясь и стараясь расслышать друг друга сквозь храп Лероя. А утром сразу после завтрака мы пошли к Боссу.

Сказать, что он был не в восторге – ничего не сказать. Вот только помешать нам уйти он не мог.

– Убирайтесь! – рявкнул он, едва Ивар закончил говорить. – С глаз долой!

– Кто-нибудь может отвезти нас в город? – спокойно спросил его Ивар.

До города было добрых четыре часа на не самой медленной машине.

– Обойдетесь! – зло сощурился Босс. – Берите Салли и назад можете не возвращать. Мясники, может, и расщедрятся на пару литров.

Салли была настолько древней кобылой, что садиться на нее верхом я бы не рискнул, да и само путешествие до города она вполне могла не перенести.

Ничего из вещей, кроме того, что уже было на нас, взять не разрешили. Приемная мать, правда, сунула пакет с буханкой хлеба. Взяв Салли под уздцы, Ивар ласково похлопал сонно моргавшую кобылу по шее и повел за собой. Провожать нас было некому, как никто не стал бы и грустить о нашем уходе.

Сколько мы шли рядом с Салли и молчали, я не знаю. До шоссе от фермы была не одна миля, и мы просто бездумно загребали пыль носками ботинок и слушали надсадное дыхание лошади.

Но продолжалось наше уединение недолго – до первого поворота. За ним под скалой стояли наши лошади – четыре, не считая Салли, – и отдыхали в тени братья.

Они все были там, – ну, кроме Джереми. От удивления я аж споткнулся, а Ивар засиял, как начищенный трензель. Могу вам точно сказать, что парни пришли прощаться не со мной. Братья провожали Ивара, хоть скупые напутственные слова звучали в адрес нас обоих. Представляете, они даже приготовили подарки. Аарон вручил Ивару свой нож, Стив, Томми и Льюис – деньги, а Лерой – большой рюкзак, доверху набитый не слишком новыми, но чистыми и целыми вещами, большая часть которых была наша, из тех, что не дал забрать Босс Билл.

Знаете, это звучит ужасно, но тогда я впервые за все это время действительно почувствовал, что все это время мы были какой-никакой, а семьей.

– Джереми будет ждать вас в городе, – сказал Аарон. – Возьмите Капитана, потом отпустите, он сам вернется.

Капитаном звали того самого тяжеловоза «боевой модификации».

– Но тебе же влетит, – возразил Ивар. – Ты должен был на нем ехать к Дженкиру.

– Не волнуйся за меня, – улыбнулся Аарон. – Пешком вы до города к завтрашнему утру дойдете, если от обезвоживания не свалитесь.

– Спасибо, – я крепко обнял Аарона. – Я...

Слов не хватало. Да и нужны ли они были?

– Пообещайте, что не пропадете, – чуть смущенно обнял меня за плечи Лерой. – И удачи.

Все братья еще раз крепко обняли Ивара и поспешили к своим лошадям. Салли привязали к узде самого неторопливого мерина, на спине которого уселись Аарон и Стив.

– Если я и буду скучать, то по парням, – тихонько сказал я, накидывая поводья Капитану на шею. – Ну что, прокатимся с ветерком? Когда еще увидим лошадь?..

Ивар улыбнулся и с трудом вскарабкался на коня. Все-таки ростом тот был гораздо выше нас обоих. «С ветерком», как вы понимаете, не получилось: я вообще ни разу в жизни не видал, чтобы наши тяжеловозы скакали галопом, – но бодрой трусцой мы его в четыре пятки бежать заставили, хотя и ненадолго. И все-таки даже шагом и с привалами мы двигались куда быстрее, чем если бы шли пешком, да еще и со старушкой Салли.

Помню, уже на подъезде к городу глубоким вечером Ивар спросил:

– Ты правда думаешь, что пойти в армию было бы хорошей идеей?

– Это идея беспроектная, – уверенно ответил я. – В армии у нас точно будет крыша над головой, еда и одежда. Причем не стоптанные сапоги с ноги Босса Билла, а новенькие ботинки. Ну и потом, подумай только, мы на халяву слетаем в космос. Кто знает, может, и на другие планеты высадимся.

Я видел, что Ивар не был настроен столь оптимистично, но не понимал, почему. Тогда не понимал.

На подъезде к городу мы спешили, ослабили подпругу на седле, завязали поводья так, чтобы не мешали, и отпустили заметно нервничавшего Капитана домой. Вот тут-то я и увидел, как быстро могут бегать тяжеловозы – наш трудяга явно уже потерял надежду встретиться сегодня с кормушкой, а потому припустил домой во всю прыть.

Именно тогда я сообразил, что в тот момент он перестал быть «нашим». И осознал, что случилось. Мы сделали это. Ушли с фермы, начали собственную жизнь. И совершенно неизвестно, какой она будет, тем более, что началась она так себе: с пустых животов.

– Наверное, Джереми сейчас в пабе, – сказал Ивар. – Пойдем, найдем его и поужинаем заодно.

Была среда, и в пабе было немногочленно. Из экономии хозяин включил всего несколько ламп, только чтобы не споткнуться. Мы с Иваром медленно шли мимо столов, пытаясь отыскать в этом сумраке и никотиновом дыму ингаляторов знакомое лицо.

– Ну наконец-то! – Джереми вынырнул откуда-то сбоку и сгреб в охапку сначала Ивара, а потом и меня. – Я уж не знал, что и думать. Или что Босс вас запер, или что вы идете пешком.

– Ну так и пришлось бы, если б не Аарон, – улыбнулся я, оглядываясь в поисках туалета.

На зубах скрипел песок, кожа покрылась слоем мельчайшей пыли после целого дня верхом, и я до одури мечтал умыться чистящей пеной, а по-хорошему – под стерилизатор встать.

– Идемте, – Джереми увлек нас за дальний стол. – Посидите тут до закрытия, а потом пойдем ко мне. Сразу говорю, больше, чем на одну ночь вряд ли получится вас приютить, но хоть так.

Мы скромно поужинали, стараясь потратить как можно меньше, и послушали, как играет Джереми с друзьями. По мне так Ивар играл лучше, веселее, но все равно было здорово, хоть мы оба и воняли лошадьми и пылью.

До дома Джереми пришлось добираться добрых полчаса, и сразу стало ясно, что даже на одну ночь ему взять нас было непросто: помимо него в тесной квартире жили почти все музыканты из группы. Коридор, кухня, даже ванна были забиты инструментами и сумками с пожитками. Один барабан занимал четверть комнаты. Рядом с ним нам и постелили. Музыканты оказались веселыми парнями, травили байки, пытались расспрашивать нас о родителях и планах на жизнь. Ивар охотно с ними общался, что-то рассказывал, вот только про пилота так и не сказал. Почему? Не знаю. Просто незаметно уводил разговор в сторону – так странно и необычно для него.

Я то задремывал, то снова выныривал в реальность. Но мало-помалу усталость и переживания этого длинного дня взяли свое, и я заснул.

И буквально через секунду меня уже тормозил Джереми.

– Подъем, – весело сказал он. – Простите, парни, на завтрак только чай.

Горячий, крепкий, да еще и с сахаром, он согрел желудок и заставил проснуться мозг. Я с жадностью осушил свою чашку, поблагодарил Джереми и выудил из-под ударной установки сумку с нашими вещами.

– Вот, – Джереми скинул Ивару на планшет письмо. – Я записал пару адресов, где можно поспрашивать про временное жилье и где не ломают цены, но, сами понимаете, клоповники это еще те.

Мы искренне его поблагодарили, распрощались со всеми и вышли под палящее солнце. Не знаю, как в настоящем Техасе, но на нашем оно жарило будь здоров – был бы там обычный кремниевый песок, давно бы расплавился в стекло. Ну, или нет... Я вообще-то не знаю, при какой температуре он плавится, но пекло было адское. Постепенно, конечно, привыкаешь к нему, но когда меня сюда только привезли, без специальной химии по всем открытым участкам тела за порог было не выйти.

– Итак? – спросил я. – Завтрак?

– Завтрак, – кивнул Ивар и решительно направился в сторону так хорошо нам знакомого рынка.

Пара бесплатных яблок от приятельницы-торговки, да булка напополам – таким был наш завтрак в тот день. И, если честно, еще много недель после. На ходу подкрепившись, мы прочитали скудные записи Джереми и растерялись. Прекрасно ориентируясь в окрестностях рынка, мы понятия не имели, что находится за ними.

Так бы и стояли мы, пялясь на экран планшета, если б Ивар не догадался скачать карту – за целый стакан. Адреса и вправду оказались на дальней окраине города, а комнатенки – обшарпанными и тесными, но зато цены – смешными. Особенно в сравнении с ценами из объявлений в Сети.

– Стерилизатор сломан, из мебели – две кровати, стол и шкаф, инфовизора нет, – хозяин квартиры, полуголый мужик, в одних трусах назвавшийся Джефом, почесал волосатый живот и обвел рукой комнату. – И электричество отрубили. Береге? – спросил безразлично и вытащил из кармана наполовину пустой ингалятор.

Мы с Иваром переглянулись, и я осторожно кивнул. На первое время ведь сойдет. Да и к вечеру уже дело было, не на улице же спать.

До глубокой ночи мы делали из стерилизующего порошка пену в маленькой кастрюльке, мыли ею полы и мылись сами. А потом сидели вдвоем на кровати и молчали, ошеломленные. И сами не понимали, что чувствовали... то ли напуганные перед завтрашним днем, то ли довольные, что получилось сделать первый шаг.

Вы понимаете, что «первое время» затянулось ох как надолго. Помимо нас и хозяина в квартире жили еще люди, семья с тремя маленькими детьми и двое братьев, не говорящих на Межгалактическом ни слова, – смуглые, худые, с раскосыми глазами и жесткими черными волосами, они были неотличимы друг от друга. На крохотной кухне вечно было жарко

от плиты, воняло гарью и чем-то кислым. По коридорам сновали дети, болтались туда-сюда многочисленные гости Джефа, орали, перекрикивая друг друга, сразу три инфовизора. Но мы умудрялись засыпать, едва головы касались подушек. Потому что единственная работа, какую нам удалось получить, – это разнорабочие на стройке. Земля и навоз сменились бетоном и глиной, вместо кепки и просторных комбинезонов были защитные костюмы из многослойных мембран и шлемы.

А вечерами Ивар снова доставал учебник и въедливо читал страницу за страницей. И снова уже через полчаса его побеждала усталость. Я силой отнимал у него книгу, толкал в плечо и укрывал простыней уже глубоко спящего.

Не о такой свободе мы мечтали, не того хотели от жизни. За полгода такого существования к заработанным концертами деньгам прибавилась пара десятков литров, не больше. Зато мы сами при этом уменьшились, лишенные сытных и бесплатных фермерских харчей.

И вот настал день, когда нам нужно было снова платить за квартиру. Ивар сидел с планшетом за чашкой пустого чая, в очередной раз тщетно просматривая объявления о работе. Хорошо помню, как он отложил его, задумчиво покрутил в руках чашку и тихо сказал:

– В армии вряд ли будет хуже, ведь так?

– Угу, – ответил я, разглядывая собственные ботинки с напрочь стершимися подошвами. – Ну, есть что стоящее? – кивнул на планшет.

Ивар отрицательно покачал головой. Глянул в свою чашку, отпил глоток. Я оставил в покое ботинок и достал из шкафчика банку с сахаром. Оставалось на самом дне, но я плюхнул в его чашку ложку с горкой: в отличие от меня, Ивар гораздо быстрее терял вес, и сейчас на его ремне пришлось проколоть несколько новых дырок, иначе штаны падали.

Ивар благодарно кивнул и уже куда решительнее сказал:

– Тогда, думаю, нам лучше действительно пойти в армию. По крайней мере, там нас чему-нибудь научат.

– Это точно, – я решительно достал из шкафа маленькую банку с вареньем, подарок одной женщины за то, что мы с Иваром покрасили ей окна. – Значит, так, объявляю сегодня выходной. Целый день спать, пить чай с вареньем и валяться в кровати. А завтра пойдем на рекрутский пункт.

– Тогда, может, купим мяса? – предложил Ивар с сомнением. – Пару кусков. Уже забыл, какое оно на вкус.

Это сейчас кажется – подумаешь, полгода без мяса. Вон, вегетарианцы всю жизнь могут его не есть. Но для нас это было действительно тяжело, тем более что на ферме мяса было полно: жареного, вареного, тушеного, вяленого. Каждый день, а то и не по разу.

– Давай, – согласился я. Желудок уже сжимался от голода. – Слушай, а может, и на голофильм сходим? – добавил с азартом.

Это был удивительный день. День абсолютной свободы и какой-то совершенно детской радости. Мы купили два билета на дневной сеанс, самых дешевых, на неудобные боковые места. Но в голотеатре мы были – смешно и грустно сказать – в первый раз и искренне наслаждались фильмом о приключениях какого-то недотепы. Потом прогулялись по городу, купили на двоих рожок мороженого, а под конец пришли на рынок. Ивар сам выбирал мясо, придирчиво осматривая куски, и, наконец, ткнул пальцем в понравившиеся. Улыбчивая продавщица завернула их в мультипенку, и мы, купив еще хлеба и помидоров, вернулись в свою комнатушку.

Знаете, я даже не помню, какое оно было на вкус. Может, самое лучшее в жизни, а может, как картон. Помню только, как мы с Иваром смеялись, подшучивая друг над другом и нашей жизнью, нынешней и будущей. Смеялись, представляя, как на Иваре мешком повиснет форма, смеялись, вспоминая, как я свалился в кадку с цементной жижей. Чуть животы не надорвали в ту ночь, будто понимая, что потом еще очень долго будет не до смеха.

Мы были настолько уверены, что нас сразу же заберут в армию, что пришли туда с вещами, отдав ключи хозяину. Да-да, не смейтесь, мы ведь даже инфовизор почти не смотрели, откуда нам было знать, как это происходит в настоящей жизни...

Нас зарегистрировали, вручили карточки-идентификаторы и велели явиться на призывной пункт в понедельник. А был только четверг!

Катастрофа.

Если честно, я вообще не знал, что делать дальше. А вот Ивар унывал недолго. Поправив болтающийся за спиной рюкзак, он поспешил на выход. Я только через пару кварталов догадался, куда – обратно в нашу квартирку. Желających занять столь непривлекательную жилплощадь еще не нашлось, и хозяин с охотой продлил нам аренду.

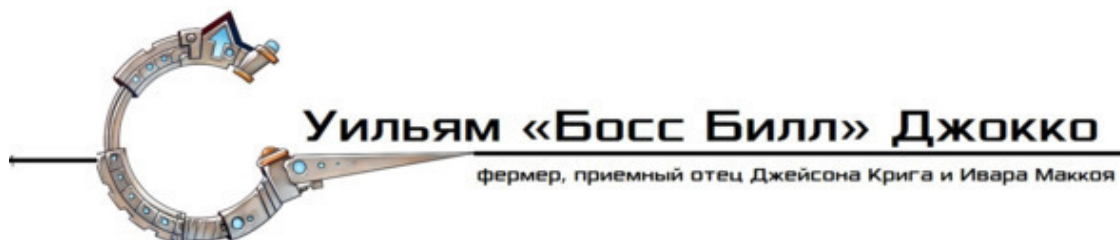
– Слушай, а пойдем на рынок? – неожиданно спросил Ивар. – Соскучился по гармошке.

Действительно, последний свой концерт Ивар дал еще до своего совершеннолетия. После работы было совсем не до музыки. И я уже не содрогался при воспоминаниях об оглушительных, царапающих душу звуках.

Видимо, Ивар не просто так сказал, что соскучился. В будний день народу было немного, но он увеличил наш счет аж на пять литров, несколько часов кряду отплясывая и наигрывая мелодии – одну заводнее другой. Я впервые был просто слушателем, а не стоял за прилавком поодаль, и тоже неуклюже станцевал под пару песенок. Кто знает, может, дополнительные деньги народ отсыпал в благодарность за возможность поржать надо мной.

Следующие несколько дней мы были предоставлены самим себе. Решив не возвращаться на стройку, в кои-то веки посмотрели город. Сейчас, конечно, кажется, что разглядывать там было особо нечего, но до тех пор мы и видели-то всего пару кварталов, а просто погулять еще ни разу не получалось. Смешно сказать, но обнаружив на какой-то площади карусель на магнитной подушке, мы были счастливы как дети, потому что видели похожие только на рекламных заставках да в паре сериалов, которые обожала приемная мать.

В ночь на понедельник уснуть так и не удалось. Мы болтали с Иваром, раз за разом озвучивая волнующие нас вопросы. На призывном пункте нам выдали ссылку на сайт Военного министерства Альянса, откуда мы узнали, что не так-то все и просто. Нужно пройти медкомиссию, кучу тестов. И впервые у меня закралось сомнение: а сможем ли мы попасть именно в пилоты?

О сыне моем приемном?... Да чего ж не поговорить. Спрашивайте, коли надо.

Мы с супругой к нему долго присматривались. Мальчишка без роду без племени. Ни инфочипа, ничего... Да даже временной метрики на нем не было! Поди узнай, откуда он. Может, у какого богатея с соседней колонии украли, а может, и сам сбежал. Соцслужбы наши, коли что, голову в песок, и нам одним отвечать, что не разглядели в пацане того, кого по всему Альянсу рыщут.

Да и хилый он был. Догадайся попробуй, работу-то потянет, или на лекарства вся вода уйдет. Ну да, у меня все работают. Считаю, что это справедливо: я за них перед властями ручаюсь, кормлю досыта и одеваю, а они с фермой подсобляют.

Э, нет, я на них не наживаюсь! Оно, конечно, наемным рабочим платить надо, чистым литром, никаких тебе бартеров. Да с пацанами расходов тоже немало. И жилье, и одежда, и кормлю я их досыта всегда – а поди наготовь на них, когда они каждый месяц на полдюйма вырастают! Мяса целый котел надо и еще картошки столько же. Биомасса, оно, конечно, дешевле, да поди у нас годный синтез-блок купи. Тыщу литров выложишь за самый захудалый, сто раз поломанный. А мясо и овощи у нас свои, опять-таки.

Я вам так скажу: для пацанов этих за счастье было на мою ферму попасть. Вы поглядите в их метрики – от хороших родителей детей не забирают. И в приюте сиротам не больно-то сладко живет. Какая бы судьба Крига, к примеру, ждала? К пятнадцати помер бы от наркотиков или б за них же и сел. Маккой не то что в десанте бы не выжил – его близко к рекрутскому пункту не подпустили бы, с приютских-то харчей.

А что я строгий... Да вы поймите, парни мои – дети непростые. Нагляделись за свою жизнь всякого, хлебнули дерьма полной ложкой... Вы уж простите, что ругнулся. Порченные они уже ко мне попадают, с гнильцой внутри. Коли почуяли, как жить можно, не работая и ни о чем не заботясь, – так с правильной дорожки, почитай, уже свернули. Тут только жесткой рукой можно на путь истинный наставить. Нет, поклясться могу: никого и никогда я и пальцем не трогал. Ну, грязной тряпкой пониже спины хлестнуть, чтобы образумить – это бывало. А чтобы бить, или еще того хуже – калечить... это никогда.

Жена моя с ними грамотой занималась. Ну, не университеты, конечно, но у всех моих аттестаты базовые имеются.

Сколько у меня всего их было? Двадцать семь. Они же уходят, как восемнадцать исполняется. Не, не все, есть кто и оседает на нашей ферме. А что, я не против. Как-никак, не чужие, точно не станут портить добро почем зря. А я им плачу, как полагается, и жилье сдаю по дешевке. И мне вечерами есть с кем словом переброситься, и парням не надо жилы рвать на стройке или последнее барыгам городским за халупу негодную отдавать.

Про Ивара я сразу знал, что уйдет. Он же в облаках летал. Что? Я и говорю – летал... Это хорошо, что в приюте его обследовали как надо, а то можно было за малахольного принять. Стоит по самое то... чуть пониже пупа, в навозе, и во весь рот улыбается.

А вот Крига я отпускать не хотел. Даже было обрадовался, что тот остался. Да выяснилось, что до поры только. Криг – парень правильный. Свое место хорошо знал, на всякие глупости не отвлекался. Ему самое верное на земле работать. Не ушел бы – я б его бригадиром со временем сделал бы. А там, глядишь, приглянулась бы ему какая девица, да пустил бы он корни по-настоящему.

Нет же, за Маккоем к звездам подался.

Я сильно разозлился тогда. Хотел их пешком выпроводить. Через пару километров бы одумались да назад бы попросились. Салли дал потому, что должен был Кригу зарплату за последнюю неделю. Он, увалень глупый, не вспомнил, конечно, а Маккой так удрать спешил, что и не подумал. Потом если трудовая инспекция к чему бы прицепилась – я по документам эту лошадь в счет долга провел. А что они ее не взяли – их дело.

Да и как ее брать, ясно ведь – обуза. До города не то что под седлом, и порожняком не дойдет. Другое дело – Капитан. Знал? Конечно. И про вещи тоже. Я ж не зверь, на самом деле, их в чем были на все четыре стороны отпускать. Не велик мне доход с пары рубашек да штанов, а у парней каждый литр на счету. Я на часок в кабинет ушел, счетами занялся. Вид сделал, что не заметил, как Капитана из стойла выводят и по дому топают, пожитки Ивара и Крига собирают.

Жена моя все ждала, что назад воротятся. Ну, Кригу-то еще куда ни шло на стройке впахивать, а Ивар-то совсем доходной, хоть и покрепче городских белоручек, конечно.

Да еще... эх... как-то пусто на ферме без них стало. Ивар повсюду успевал. И работал лучше многих, и за столом болтал. Придумывал что-нибудь, парней шевелил.

То планшет всюду за собой таскал, без конца слушал что-то, то гармошка эта его. Концерты рыночные.

Конечно, узнал. Ну, а как мне про своих-то не прослышать. Насчет сластей соврали – все на лицах было написано, когда я их к ответу призвал. Не, жилы тянуть, допытывать – не стал. Торговали они бойко, выручку всю до капли сдавали, да еще и с лихвой. А что плясали день напролет, так мне ж важно, чтобы завтра с утра работали как надо. Хоть всю ночь на голове ходите, если сил хватает, не моя забота. На ферме одно правило железное: чтобы и думать не могли ничего своровать. Ну, а ежели честно деньги заработали, то и тратьте, как хотите.

Едва мы переступили порог призывного пункта, все мысли вылетели у меня из головы. Теперь понятно, почему в прошлый раз тут было так тихо: потому что все претенденты явились сегодня. Гвалт стоял похлеще, чем на рынке. Парни и девчонки – кто сиротливо озирался по сторонам, а кто, наоборот, набивал себе цену, громко рассуждая о подвигах, что еще только собирался совершить.

– Рекруты, внимание! – раздался голос из колонок. – Выстроиться в шеренги возле стоек регистрации. Не разговаривать!

Ивар тут же схватил меня за локоть – и правильно сделал: в хлынувшем людском потоке нас просто разнесли бы в стороны. Дальше начались долгие и утомительные часы ожидания. На какую-то пятиминутную процедуру приходилось минут сорок стояния в очереди. Да и сами действия были скучные – встать туда, обмотаться проводками, постоять. Потом лечь куда-нибудь, накрыться крышкой, полежать. Я чувствовал себя идиотом, но, как оказалось, рано. Потому что часа через четыре нас ждал первый настоящий тест.

Если бы я когда-нибудь до этого видел игровые автоматы, я бы решил, что это именно он. Но тогда я подумал, что это инфовизор, только экран очень большой и полукруглый, будто для просмотра голофильмов. Мне велели усесться в кресло с высокой спинкой, отрегулировать подлокотники с торчащими из них джойстиками, задали несколько вопросов, а потом эта штука включилась...

Господи, как же это было круто! Я оказался в кабине звездолета, вокруг мигали звезды, передо мной была панель управления, и от изумления я совершенно пропустил мимо ушей объяснения, зачем мне показывают такую красоту. Наблюдателю испытаний даже пришлось подойти, хлопнуть меня по плечу и заново объяснить, что я должен попытаться провести звездолет по маршруту.

Потом, гораздо позже, мы поняли, что армии не доставало хороших пилотов, тех, что «от бога», потому что война уже негласно началась, и обучать их как следует времени не было. Именно поэтому первый тест был на природное чутье габаритов, маневренности машины, космофизики. Как вы, наверное, уже догадались, во мне всего этого не было ни на миллилитр.

Экран то и дело вспыхивал красным, кресло дрожало, что-то предупреждающе звенело и трещало. Через несколько минут все предсказуемо закончилось жутким грохотом и красной надписью во весь экран: «Тест не пройден».

– Следующий, – устало сказал офицер.

Я поспешно уступил место Ивару, настолько ошеломленный произошедшим, что даже не пытался понять, чем мне грозит этот провал. Система быстро обновила настройки и перезапустила программу, Ивар сосредоточенно кивал, слушая объяснения. Мне, наверное, нужно было идти в следующий кабинет, но про меня как-то позабыли, и я встал позади кресла, чтобы хоть на экране еще раз взглянуть на эту красоту.

Щелкнул тумблер готовности. Я уставился на экран, затаив дыхание. И буквально задохнулся, когда тот резко завалился на бок. А потом на другой. Звезды приближались с невероятной скоростью, мимо проносились огромные камни, летели красные лучи. Я жадно хватал воздух ртом, цепляясь за кресло, чтобы не упасть. Голова кружилась, желудок бунтовал, ноги дрожали. А изображение крутилось, как прилипший к колесу навоз, дрожало, вспыхивало, гасло, молниеносно менялось, двигалось...

Потом все выровнялось, и на экране появился огромный корабль. Он приближался – сначала довольно быстро, потом замедлился, а затем и вовсе перевернулся, подставляя брюхо. Ну, то есть, конечно, это шаттл, или что там Ивар вел, облетел его снизу, но я тогда этого не понял. Медленно и плавно экран выровнялся и вскоре замер неподвижно, так что корабль стал «землей» до самого горизонта.

Я ждал продолжения, но вместо этого на экране появилась надпись: «Пройдено», а наблюдатель кому-то громко сообщил по переговорнику:

– Штаб, у нас есть один! Десяносто восемь! Вот, – он провел над идентификационной карточкой Ивара кодировщиком, и та из прозрачной стала ярко-синей. – Вперед по коридору до упора и в кабинет сто один. А ты, – он посмотрел наконец на меня, – бегом давай дальше!

– Нет! – Ивар взял карточку, но решительно покачал головой. – Если Джея не возьмут, я пойду, куда и он!

– Пацан, ты чего? – оторопел военный. – Из-за дружка всю жизнь себе портить? Ему ж только в десант.

– Значит, десант, – упрямо ответил Ивар, выдержав тяжелый взгляд своего собеседника. – Джей – мой брат.

– Ивар, не стоит, – вмешался я. Несколько минут наблюдения за тем, как он проходит испытания, хватило мне, чтобы понять: я никогда не стану пилотом. А Ивар им обязательно будет, причем одним из самых лучших. – Ты столько об этом мечтал.

– Я пойду туда, куда отправят тебя, – резко – пожалуй, я никогда еще не слышал столько силы в его голосе – перебил меня Ивар.

Военный несколько минут сверлил нас взглядом. Потом вздохнул и снова взялся за кодировщик.

– Тебя все равно отчислят за профнепригодность, – сказал, протягивая мне мою карточку, тоже синюю. – Зато он уже будет под присягой. Кабинет сто один.

Я поспешно взял ее и потащил Ивара за собой, боясь, что военный передумает. По коридору нам пришлось протискиваться мимо уставших парней. Я так понял, было еще несколько тестов – кажется, в стрелковый дивизион, разведку и, наверное, в стратегический корпус. Тех же, кто не проходил никуда, ждал десант, и я не обольщался: если бы не Ивар, меня в итоге отправили бы именно туда.

На синие карточки в наших руках пялились с завистью, а кое-кто и со злобой, но Ивар совершенно не обращал на это внимания и просто шел вперед. Я понятия не имею, что творилось у него в голове, но кусок пластика, который он в итоге передал уже ждавшему его офицеру, был весь в мокрых разводах от вспотевшей ладони.

– Двое? – удивленно глянул на меня офицер, просканировав мой идентификатор – на небольшом экране портативного аппарата высветилась цифра тридцать шесть – и пожал плечами. – Ну ладно.

Потом мы узнали, что всего в тот день тест отобрал тридцать пять человек в пилотный корпус. Ну, и я тридцать шестой. И это считалась не только наша планета, а бог знает сколько еще.

Офицер положил карточки в полупрозрачную капсулу, нажал кнопку и через секунду вынул их, уже запаянных в мембрану с длинным шнурком. Велел повесить на шею, чтобы было видно, открыл заднюю дверь кабинета.

– Идите до конца, потом в синий авиакар, – и кивнул на очередной, на этот раз пустой коридор.

Каждый шаг давался мне с трудом. Усталость и напряжение брали свое.

Авиакар, стоявший у самого дальнего перрона был почти пустой, если не считать пары пацанов с такими же, как у нас, синими карточками.

Ивар потянул меня за рукав и пошел по салону. Мы заняли заднее, самое просторное сиденье. У меня даже не было сил возмущаться, а он вытащил из рюкзака невесть как оказавшиеся там бутылку воды и сникерс. Быстро разорвал обертку, разломил батончик пополам и протянул мне.

Оказалось, предусмотрительность Ивара была как нельзя кстати. Авиакар тронулся с места, только когда жаркое новотехасское солнце уже клонилось к горизонту – видимо, нужно было дожидаться, пока все рекруты пройдут испытания. Нам пришлось бы туго в жестяной душегубке, если бы не отлично работающие кондиционеры. Мы даже успели хорошенько выспаться, вольготно расположившись сзади и накрывшись рубашками, которые нашли в рюкзаках. Но едва только двери с шипением закрылись, мы прилипли к окнам.

Впрочем, ненадолго: город мы проехали очень быстро, а в опустылевшей пустыне ничего интересного не было. Попутчиков тоже разглядывать не получалось – их было мало, и сидели они далеко.

– Зря ты за меня вступился, – сказал я Ивару. – Все равно у меня никогда не выйдет, как у тебя.

– Ничего, пилоты разные нужны, – мотнул тот головой. – Тем более, крупные корабли в основном ведет автопилот.

– Ну, ты-то, наверное, в истребители попадешь, – предположил я, вспомнив, с какой скоростью проходил тест Ивар. – А я буду водить космические баржи.

Но, честно говоря, грусти по этому поводу я не испытывал. Да хоть мусоровозом управлять, лишь бы хоть иногда видеть бездонный космос. Он покорила меня с самого первого взгляда. Даже искусственный, на экране.

До космопорта мы добрались глубокой ночью. Сопровождающий нас офицер быстро просканировал наши карточки, велел построиться в шеренгу и повел по одинаковым, бесконечно длинным коридорам. Заходил в кабинеты, пропадал там то на полчаса, то возвращался буквально через минуту, что-то отмечал в своем планшете и снова подгонял нас, уже ничего не соображающих от усталости.

– Садитесь, – сказал, когда очередная темно-серая дверь открылась в небольшой зал со множеством жестких скамеек. Еще раз перекодировал наши карточки и быстро ушел, не считая необходимым пожелать удачи или просто попрощаться.

На этот раз ждать пришлось недолго – за нами пришли почти сразу и повели прямо к кораблю. Он был совершенно пуст, и можно было занять любые места. В том числе и самый первый ряд у кабины, что мы и сделали. Прямо по центру в перегородке было небольшое окно, и мы могли видеть лобовое стекло шаттла. Конечно же, мы сели прямо напротив него, а остальные ребята – их было всего четверо – расселись по краям. Через некоторое время в шаттл запустили группу куда более многочисленную. Потом еще одну – уже на сотню человек, не меньше. Четвертая группа заняла почти все сидячие места, а потом со всех дверей валом повалил народ, и мест им уже не хватило. Стало ясно, что просторный пустой хвост не останется без внимания, но я не думал, что в итоге людей набьется как картошки в мешок. Они сидели прямо на полу, на каждом свободном кусочке, и становилось даже как-то стыдно, что сидишь на самом лучшем месте, когда они дышат друг другу в затылки.

Загорелись табло «Пристегните ремни». Ивар потянул было из сиденья мощные тяжи, но потом посмотрел на сидящих парней, на дверь шаттла, впусившую еще одну группу, – им уже явно придется лететь стоя, – и, покачав головой, передумал. Я тоже не стал пристегиваться. Не из чувства солидарности – просто в окно было удобно смотреть, сильно подавшись вперед.

Зашипели пневмоприводы. Двери плавно повернулись на петлях, замерли на секунду, а потом вжались в проемы, герметизируясь. По всему шаттлу прокатился металлический гул, что-то скрипело. Парни и девчонки загомонили, были слышны прощания с Новым Техасом. Иногда в довольно крепких выражениях – хотя я не особо прислушивался. Все мое внимание занимали пилоты. Переборка не пропускала звук, и я смотрел на подготовку к взлету, мысленно представляя, что они говорят друг другу. Все эти рычажки, кнопки, мониторы, шкалы – невероятно, как человек может запомнить, что для чего тут нужно и в каком порядке это надо нажимать

– Готовность к взлету, – вспыхнуло красным на центральном мониторе.

Почти тут же эту надпись сменила ярко-зеленая:

– Взлет разрешен.

Я глянул на Ивара. Он застыл в напряжении и жадно смотрел вперед. Огромный шаттл крупно вздрогнул и пришел в движение. Все, кто был в салоне, разом притихли как по команде. Перед носом корабля бежала разметка с непонятными мне знаками, стрелками и указателями. Мы медленно катились по бетонному полю, а потом...

– Боже! – против воли вырвалось у меня, когда шаттл вздрогнул от мощного рывка. Земля ушла из-под носа, линии разметки становились все тоньше, а моторы натужно ревели.

И тут началось. Звук двигателей изменил тональность, стал пронзительным. Зарычали компенсаторы – слишком слабые для такого большого корабля. Нас вдавило в кресла, стоявшие попадали и вместе с теми, кто сидел на полу, покатались в назад.

– Сволочи! – натужно выдохнул Ивар. – Людей как скот везут!

– А разве с десантом когда-нибудь церемонились? – усмехнулся парень рядом с ним. – Как будто и не люди вовсе, – добавил с нескрываемой досадой. – Аж тошно.

Ивар глянул на него и стиснул зубы.

– Я начинаю думать, что лучше было остаться на стройке, – крикнул он мне, перекрывая шум двигателей.

– Да ну, брось! – фыркнул его сосед. – Ты-то не в десанте. Кстати, я Леонард.

– Уже почти жалею об этом, – Ивар поджал губы. – Чисто из чувства солидарности. Я Ивар, а это мой брат Криг. В смысле, Джейсон Криг.

– Все правильно, просто Криг, – буркнул я. По имени меня никто и не звал никогда. Ну, знаете, Криг мне как-то ближе, чем Джей или, упаси боже, Джейсон.

– Братья? – Леонард удивленно смерил нас взглядом. – Серьезно? Не обижайтесь, парни, но вы ни капельки не похожи.

– Сводные, – с трудом глотая воздух, ответил я. – Твою ж мать... – только и успел добавить, потому что стало еще хуже.

Шаттл, на котором мы летели, – а по сути, старое корыто, – с огромным трудом карабкался вверх. Показатель скорости на центральном мониторе медленно подбирался к отметке «Скорость убегания». Корабль трясся, скрипел винтами и ревел двигателями.

Через пару минут бешеной тряски нас вдавило в кресла с такой силой, что дышать получалось с большим трудом. Кто-то глухо стонал, а кто-то и кричал в голос.

Сколько времени мы так летели, не знаю. Но долго. Я даже испугался, что нам не хватило тяги, чтобы выйти на орбиту, и шаттл просто болтается над поверхностью планеты. Глупость, конечно, но это я уже сейчас понимаю. А тогда было страшно.

На мониторе в кабине мелькали цифры и какие-то команды – слишком быстро, чтобы успеть прочитать их в этой тряске. Вдруг раздался оглушительный хлопок, корабль вздрогнул в последний раз и будто провалился в огромную пуховую подушку. Двигателей больше не было слышно, с груди как будто исчез тяжелый мешок с песком, лежавший там с момента взлета. Но легче не стало. Желудок подскочил к горлу, в ушах застучала кровь, а руки и ноги будто лишились костей.

– Внимание, нулевая гравитация, – услышал я как сквозь воду. Шум в ушах нарастал, превратившись в свист. На языке разлился привкус крови. – Ремни безопасности не расстегивать, с места не вставать. Включение генератора искусственного поля через пять секунд.

Это были самые долгие секунды в моей жизни. Еще две или три – и я бы точно вырубился. Перед глазами уже потемнело, когда нас будто присосало к полу. Дурнота пропала почти сразу, и я подался вперед, чтобы снова взглянуть в окно. Перед шаттлом был бесконечный, невероятно красивый и смертельно опасный космос.

Знаете, окажись я сейчас в том корабле – ни за что не стал бы любоваться видами. Старое корыто – это слишком мягко сказано. Я вообще удивляюсь, как мы тогда не шлепнулись обратно. График скорости, угол атаки – да мы летели хорошо если на трех работающих движках из четырех. И были перегружены почти вдвое. Компенсаторы вибраций, стабилизаторы курсовой устойчивости – все работало на пределе, лишь бы выйти из атмосферы. На то, что для неподготовленных пассажиров такой взлет станет настоящей пыткой, всем было наплевать, лишь бы крушением дело не кончилось. Не удивлюсь, что перегрузки были раза в три больше, чем при нормальном взлете. И почти готов поспорить, что почти то же самое ощущали первые люди, летавшие в космос, еще на системах вертикального взлета, когда маленькую капсулу с полезной нагрузкой сажали на гигантский топливный бак и взрывали его.

– Наконец-то орбита, – с облегчением выдохнул Леонард, отвлекая меня от разглядывания далеких звезд. – Попрощайтесь со стариком Техасом, мы на него не скоро вернемся.

Вообще, Леонард сначала мне не понравился. Но, наверное, чисто из ревности: мы мало общались с другими людьми, и я как-то не привык, что кто-то так запросто врывается в разговор. Но чуть позже, примерно к середине полета, я с этим фактом смирился и понял, что парень он неплохой. Они с Иваром были чем-то неуловимо похожи, и это подкупало.

Так вот, к концу полета мы уже знали, что Леонард сознательно пошел в армию и, в отличие от нас, был неплохо осведомлен о том, что за порядки в ней заведены. Он же и просветил нас, что пилоты здесь – что-то вроде элиты, и нам – а мне особенно – здорово повезло попасть к «крылатым». Сам он небом никогда не грезил, но слегка подучился этому делу еще на Техасе, чтобы попасть в самые лучшие войска. Нет, не подумайте, он нисколько не кичился своей сообразительностью и не выставлял себя лучше других, например, десанта. Скорее, просто прагматично подходил к делу, как собственно, и мы, – только у него было больше возможностей.

В том, что он прав, я убедился сразу по прилету. Пока остальных заставили ждать в переходном шлюзе, сидя на полу прямо возле шаттла, нас, счастливых с синими карточками, встретил офицер. Сверился со списком в своем планшете, убедился, что никто не отстал, и тут же усадил в левитационный челнок. В канцелярии, куда мы прибыли после пары минут комфортной поездки, все было четко и быстро. Нам даже помазали кожу на плече обезболивающим гелем, прежде чем вколоть идентификационный чип. Потом какой-то угрюмый солдат повел нас в душевые.

– Мыться с антисептическим гелем обязательно, – сказал он. – Еще планетарных болячек тут не хватало. По окончании надеть стандартные временные комплекты, – махнул рукой в сторону корзины, доверху набитой герметично запаянными пакетами. – Постоянную форму получите завтра.

Душ! Настоящий! Не стерилизатор! Вы не представляете, какое это оказалось счастье! Обжигающе горячие, тугие струи воды, жесткая мочалка и отлично пенящийся гель – нам не хватило духу признаться Леонарду, что мы видели это все в первый раз.

О том, что такая роскошь положена только пилотам, мы с Иваром узнали куда позже. Пока мы, не подозревая об омерзительных – самых худших в мире – стерилизаторах десантных душевых, с удовольствием плескались в воде, брызгались друг в друга и были совершенно, неприлично счастливы.

Леонард на время исчез из поля зрения, видимо, решив не навязываться, но увидев его в предбаннике перед первым построением, мы сами подошли к нему. Кстати, наши опасения, что форма будет мешком на нас висеть, не оправдались: нас измерили сканером и выдали одежду точно по размеру, так что почти всем она шла. Черт побери, на самом деле это было лучшее, что я вообще когда-либо на себя надевал! Помню, я поделился этой мыслью с Иваром и мы рассмеялись, а вот Леонард почему-то отвернулся.

Что он Дефо – *тот самый* Дефо, «король» и Водяной Бог нашей пустыни, – мы узнали намного позже. Странно, это нам было в пору стесняться своей бедности и необразованности, но на деле стеснялся он.

Остаток дня прошел словно во сне. Мы плотно поужинали, потом потолкались в кают-компании. Пилоты, настоящие, с сотнями полетных часов за плечами, встречали нас как равных. Хлопали по плечам, рассказывали что-то о шаттлах, истребителях, маршрутах и системах. Я в который раз спрашивал себя, а имею ли я право находиться здесь, не занял ли чужое место, но глядя на абсолютно счастливого Ивара, понимал, что буду тренироваться до изнеможения, но стану пилотом. Ради осуществления мечты своего брата.

А потом наступило утро. И на первом же занятии я понял, что легко не будет. Казалось, я никогда не запомню названия всех этих приборов и рычажков, а уж понять, для чего они... да проще весь биоразлагатель вычерпать чайной ложкой. Ивар, сидящий рядом, кажется, уже все знал – так быстро и легко он учился. В конце занятия нас посадили за симуляторы и дали контрольный тест. Я было совсем отчаялся, но Ивар показал мне на большой монитор в центре учебного класса, куда выводились результаты: оказывается, были те, кто справился похуже меня. А вот Ивар оторвался далеко ото всех. Леонард, занявший вторую строчку протокола, отстал от него на добрый десяток баллов.

Собственно, это почти все, что я помню о том периоде. Дальше так и пошло – утром были теоретические занятия, после обеда – работа на симуляторах, а по вечерам мы просто отдыхали и болтали – чаще втроем, но иногда чуть ли не всем отрядом.

О первых месяцах рассказывать нечего. Вы думаете, он у меня один, что ли, был? Да таких, как они с братцем, у меня девяносто процентов новобранцев! Ну, может, не как Маккой, но как деревенский увалень этот – так почти все.

Моя работа с ними начиналась на следующий же день после принятия присяги и заключения контракта. Пары часов мне хватало, чтобы ознакомиться с личными делами всех. Да что там изучать-то... родился, вырос. Уже хорошо, если судимостей не было и в анализах наркотиков не нашли.

А что вы хотели? Армия всегда была последним шансом для подобной публики. К нам, правда, такие редко попадали, но в любом правиле есть исключения.

Считаете, что я предвзят? Ваше право. Только вот я сам закончил Летную Академию Альянса.

Академию, понимаете? На Земле! Обучение там не имеет ничего общего с экспресс-курсами по типу «Взлет-посадка» на наспах оборудованной Базе. Это старейшее во всем Альянсе учебное заведение! Нас проверяли вдоль и поперек, чуть ли не кишки просвечивали. Сложнейшие экзамены по общеобразовательным и специальным дисциплинам. Медкомиссия, которую никогда не пройдешь с отклонением слуха в одну десятую процента, про зрение вообще молчу – только идеальное, а лучше модифицированное. Потом несколько недель психологических тестов. И отсеив каждый месяц по результатам сквозных проверок.

К тому дню, когда курсантам разрешали впервые сесть в кабину летательного аппарата, оставалось в лучшем случае шесть из десяти принятых. И это было только начало. Дальше – полетные тренировки по пять часов в день, столько же теоретическая часть. Остальное время – физподготовка. И бесконечные экзамены, зачеты...

Погоны лейтенантов стоили дороже воды на иных планетах. Они доставались трем из десяти поступивших, но эти трое были самыми настоящими асами. И не раз доказывали это в боях.

А эти... Группировку Космолота наращивали слишком быстрыми темпами. И никто из наших начальников уже не готов был вкладывать астрономические суммы в обучение каждого пилота, а уж учитывая, какие потери мы несли, это и вовсе было бессмысленно. Нас, выпускников Академии, кто еще оставался в живых, по-быстрому сняли с боевых дежурств

и отослали вот в такие вот учебные корпуса инструкторами. Люди, положившие свою юность на то, чтобы стать лучшими из лучших, вынуждены были теперь лепить конфетки из фермерского дерьма.

Только подумайте – фермеры! В жизни своей не видевшие техники, сложнее аэрокара, имевшие за плечами лишь базовый аттестат – и это в лучшем случае! И туда же, в пилоты!

Моя бы воля, я бы таких и в десант не взял.

Внешность у них тоже была соответствующая. Как и поведение. Можно достать человека из деревни, но вот деревню из человека – вряд ли. Новая униформа и аккуратная стрижка мало что меняли.

С Леонардом мы крепко подружились, хоть он и был из совершенно другого мира. Ну, знаете, если обобщить, то наш мир был из навоза, а его... Даже не знаю, какое сравнение подобрать. Судя по тому, что он рассказывал, то пожалуй, что из радости. Нет, правда. Он радовался всему на свете, веселил всех, включая преподавателей-офицеров. Ивар тоже всегда был веселым, но это скорее шло изнутри, сдержанно. А вот Лео был ярким, шумным – смеялся, говорил громко, честно и открыто, заполнял собой любое помещение. Ему даже прозвище дали «Король-Солнце». Не знаю, вроде бы из истории что-то, а, может, и нет. Но это правда было про него.

Глядя на него и Ивар стал более открытым. Им обоим учеба давалась легко, в отличие от меня, и я неизменно вырубался под их вечное шушуканье и сдавленный смех.

В общем, совсем неудивительно, что довольно скоро мы стали воспринимать его как еще одного брата.

Наверное, про тот период больше нечего рассказать. Ну... разве что еще про ненависть. Удивительно, как долго мы этого не замечали – по крайней мере, я, – но пилотов на Базе, как выяснилось, ненавидели. Мы ели, спали и мыслили отдельно ото всех, получая хорошую еду, спокойный сон на мягких кроватях всю ночь напролет и горячую воду. Тогда я думал, что это норма, не зная ни о биомассе на завтрак, обед и ужин, ни о тревогах в три ночи, стерилизаторах и наказаниях вроде «ночь на полу». Ну, это когда мембраны коек убирали, и ты спи как хочешь.

Как же я об этом узнал? А это уже другая история.

Пока же все мои мысли были заняты первым настоящим полетом. Не на тренажере, не в симуляции, не в пассажирском кресле, а за штурвалом. Пусть маленький, пусть трениро-

вочный, оборудованный кучей систем безопасности, со специально настроенным автопилотом. И все равно, это был настоящий космический корабль.

И он превзошел все мои ожидания! Наверное, я все-таки был не безнадёжен, потому что мне удалось не разбиться о борта Базы, не потеряться в космосе, и даже содержимое моего желудка осталось при мне. Форму, правда, можно было выжимать – так сильно я вспотел, пока рулил этой пташкой. Но главное – полетный маршал все же кивнул, снимая с бортового компьютера показатели.

Ивар справился блестяще. Это, собственно, никого не удивило. А еще он просто светился счастьем. Любовно погладил машину по крутому носовому обтекателю, посмотрел с сожалением, прежде чем отойти, и у меня екнуло сердце. Черт возьми, мы стали пилотами! Я, простой парень с фермы, вечно вымазанный навозом, и Ивар – худой мальчишка со стертыми в кровь ладонями, в одежде с чужого плеча, не знающий даже, в какой день пришел в этот мир. Мы все же сделали это. Сдюжили.

То был особенный момент. Хотелось продлить его, осознать. Мы все были словно пьяные – орали, хлопали друг друга по плечам. Сквозь толпу голосящих парней к нам протиснулся Леонард, сгреб Ивара и меня в охапку, хохоча от радости, и мы рассмеялись вместе с ним. Я помню, как буквально задыхался от смеха и дубасил их обоих по спинам, кажется, куда сильнее, чем было нужно.

В тот день Ивар впервые достал на Базе свою гармошку. Это был успех, я скажу! Не всепланетного масштаба, но среди пилотов заметный. На Базе не было ни инфовидения, ни Сети. По крайней мере, для нас, рядовых. Планшеты конфисковали еще в канцелярии. Из развлечений были только карты, споры да спортзал. Ну, и драки иногда. Так что на звуки польки к нам сбежались парни из других отрядов. Набились в тесную комнатку, распахив кровати по углам, и выплясывали чуть ли не друг у друга на головах. Ивара готовы были носить на руках, если бы это не мешало ему играть. И даже начальство не вмешивалось, позволив нам развлекаться до поздней ночи.

Следующие три месяца были лучшими в нашей жизни, это я могу сказать точно. Из отстающих я выбился в уверенные середнячки и уже вполне мог поддерживать долгие беседы Ивара с Леонардом о всяких летающих и нелетающих машинах. Но, признаться, мне это было совсем не так интересно, как им. Куда любопытнее было пытаться Леонарда на тему девушек – он, кстати, был старше нас: меня на три года, а Ивара и того больше. А еще мы любили расспрашивать его о его детстве, планах, мечтах. Совсем не такие, как у нас, – словно сказки какие-то слушали. И вроде планета одна, а миры разные...

Знаете, Лео рассказал нам свою историю. Конечно, далеко не сразу и не целиком... И я в который раз убедился, что деньги – далеко не главное в жизни... Но об этом я рассказывать не буду. Не моя тайна, знаете ли.

Мы летали уже не на учебных крохах, а осваивали настоящие истребители и даже огромные шаттлы. Ивар и Леонард, кажется, вообще не видели разницы, за каким штурвалом сидеть. Вернее, не так: они превосходно чувствовали любую машину. И неважно, летали они уже на ней или увидели впервые, – даже самая маленькая антенна была словно частью их тела. Другие стажеры, да и я, чего греха таить, сшибали углы и отрывали целые отсеки, но только не эти

двое. Они были способны провести шаттл сквозь метеоритный поток, и даже не пришлось бы латать обшивку.

Аттестационных испытаний я боялся до усра... до ужаса. Для меня это был судный день, казнь тупым топором и самый страшный кошмар. Я, да и не только я, наверное, не сомкнули бы ночью глаз накануне судилища, если бы не Леонард. Он по памяти пересказывал нам какую-то книгу. Сейчас, хоть убей, не вспомню, про что. А тогда я и остальные парни лежали, не шевелясь, чтобы не перебивать. Обычно Лео рассказывал все ярко, с эмоциями – заслушаешься. Но не в тот раз. А, вспомнил! Тогда он просто пересказывал учебник, и все моментально уснули. А знаете, сейчас я думаю, что он сделал это специально. Думаете? Да, наверное... Он действительно о нас заботился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.